

Лес в колористической картине мира К.Г. Паустовского

Татьяна Викторовна СИВОВА

УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>, e-mail: sitavi@tut.by

Forest in K.G. Paustovsky's coloristic picture of the world

Tatyana V. SIVOVA

Yanka Kupala State University of Grodno
22 Ozheshko St., Grodno 230023, Republic of Belarus
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>, e-mail: sitavi@tut.by

Аннотация. В исследовании, обширным фактическим материалом для которого послужили произведения, включённые в Собрание сочинений К.Г. Паустовского, на примере функционирования лексемы *лес*, коррелирующей с широким спектром атрибутивов и предикатов, реконструирован значимый фрагмент языковой картины мира К.Г. Паустовского. Учитывая важную роль в художественном мировосприятии писателя колористической составляющей, представляется целесообразным выявить специфику индивидуально-авторской цветовой перцепции и визуализации леса. В результате проведённого исследования: 1) установлен колористический спектр, используемый писателем для визуализации леса; 2) определены доминанты этого спектра; 3) выявлен функциональный потенциал терминов цвета; 4) определена детерминированность колористической характеристики леса; 5) установлено соотношение национального и индивидуально-авторского в цветовой визуализации леса; 6) описана специфика авторской манеры цветописа, что в комплексе послужит целостной реконструкции колористической картины мира писателя. Теоретической основой исследования являются ключевые положения лингвистики цвета, методологической – комплекс методов, используемых на разных этапах работы, включая метод сплошной выборки, описательно-аналитический, контекстуальный, количественной обработки данных.

Ключевые слова: языковая картина мира; лингвистика цвета; термин цвета; лес; идиостиль; К.Г. Паустовский

Для цитирования: Сивова Т.В. Лес в колористической картине мира К.Г. Паустовского // Нефилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 472-482. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-472-482

Abstract. In the work, on extensive factual material of the works included in K.G. Paustovsky's Collected Works, on the example of the lexeme forest functioning, correlating with a wide range of attributes and predicates, a significant fragment of K.G. Paustovsky's language picture of the world is reconstructed. Considering the importance of the coloristic component for the writer's worldview, it seems appropriate to identify the specifics of the forest individual author's color perception and visualization. Key findings: 1) the coloristic spectrum used by the writer to visualize the forest is established; 2) the dominants of this spectrum are identified; 3) the functional potential of the color terms is identified; 4) the determinism of the forest coloristic characteristics is determined; 5) the correlation of national and individual author's in color visualization of the forest is established; 6) the specifics of the author's color style of writing is described, all this in complex contribute to holistic reconstruction of the writer's coloristic picture of the world. The theoretical basis of the study are the key provisions of linguistics of color, the methodological basis – a set of methods used at different stages of work, including the continuous sampling method, descriptive-analytical, contextual, and quantitative data processing.

Keywords: language picture of the world; linguistics of color; color term; forest; individual style of writing; K.G. Paustovsky

For citation: Sivova T.V. Les v koloristicheskoy kartine mira K.G. Paustovskogo [Forest in K.G. Paustovsky's coloristic picture of the worldno]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 472-482. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-472-482 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Объективная значимость леса в русском языковом сознании определяет статус концепта Лес как одного из ключевых, формирующих концептосферу русского языка, что находит отражение как в исследованиях, раскрывающих «особенности концептуализации природного объекта “лес” и способы языковой репрезентации знаний о нём в русском языке» на материале толковых словарей [1, с. 143], в работах, носящих сопоставительный характер и репрезентирующих специфику «образа леса в языковой картине мира», выявленную на материале Национального корпуса русского и польского языков [2, с. 45], так и в собственно лексикографической практике, например в словаре «Концептосфера русского языка» [3, с. 100-106].

Изучение языка художественного произведения, являющегося основным источником авторских словарей, которые, с одной стороны, отражают языковое сознание и языковую картину мира писателя, с другой, по замечанию О.И. Фоянковой, являются «надёжной базой для многообразных лексикологических и семантико-стилистических исследований», служат «объективным методом целостного изучения семантико-стилистической системы языка писателя», значимы «для развития стилистики и теории лексикографии, поэтики и истории литературного языка» [4, с. 50], закономерно находится в проблемном поле лингвистики, когнитивной лингвистики как её актуального направления, лингвистики цвета.

Обусловленный антропоцентризмом как важнейшим принципом лингвистического исследования на современной этапе развития языкознания научный интерес к реконструкции колористической картины мира писателя, мастера художественного слова, раскрывает перед лингвистами широкие возможности в описании цветового спектра произведений, выявлении доминант цвета, функционального потенциала терминов цвета, специфики авторской манеры цветописи и т. п. [5]. Последовательное воссоздание отдельных фрагментов колористической картины мира писателя способствует комплексной реконструкции целостного представления о ней.

Поскольку важнейшей пространственной плоскостью произведений К.Г. Паустовского является природное пространство, а флористической доминантой в нём – лес, представляется целесообразным в свете реконструкции цветовой картины мира писателя выявить специфику авторской колористической перцепции и визуализации леса на обширном материале его прозы.

Избранный нами аспект исследования в описании авторской колористической картины мира демонстрирует значимость и многообразие возможных результатов. Так, М.С. Вагенлетнер на примере цветообозначения сообществ растений (тайга, лес) предпринимает попытку воссоздать региональную цветовую картину мира на материале произведений писателей Сибири и Средней полосы России (В.П. Астафьева, Л.И. Бородина, Г.М. Маркова, Е.И. Носова, В.Г. Распутина, К.Ф. Седых, В.Я. Шишкова и др.) [6]. J. Słoboda, описывая функциональный потенциал терминов цвета, визуализирующих растительный мир в романе “Dolina Issy” (1955 г.) лауреата Нобелевской премии Ч. Милоша, выявляет колористический спектр, используемый писателем для описаний леса: *barwa czerwona (czerwony, czerwien, czerwonawy, barwa dojrzałych jarzębów, rudy, brunatny, rdza), zielona (zielony, zieleń), żółta (żółty, złoty, płowy), biała (biały), fioletowa (siniawofioletowy), niebieska (niebieski, błękitny, błękitnieć)* [7, с. 240-241]. О.С. Боковели и В.П. Прищепа, исследуя цветовую палитру лирики С. Липкина, акцентируют внимание на индивидуально-авторских цветовых характеристиках леса: *осенний лес находится «В этом, красном – обличье индийца»* [8, с. 329]. В.С. Дарененкова, раскрывая символику цветовых мотивов рассказа А.С. Байетт “The Thing in the Forest” (2002 г.), приходит к мысли о том, что хронотоп леса выступает как отражение каждой героини и её «палитры»: «Примроуз воспринимает теплоту и цвета деревьев: белый, коричневый и серебристый, тогда как Пенни всматривается в его густоту (темноту)» [9, с. 198]. И.И. Хрипунова, выявляя на материале романа К. Модика

“Konzert ohne Dichter” (2015 г.) аксиологический и текстоорганизующий потенциал терминов цвета, заключает, что «позитивный аксиологический потенциал зелёного цвета проявляется в стремлении Г. Фогелера быть частью природы и объясняется её ценностью в мироведении протагониста. Негативный аксиологический потенциал зелёного цвета проявляется в невозможности персонажа романа достичь желаемого» [10, с. 79].

В ракурсе же нашего исследования важно особо подчеркнуть значимую устойчивую соотносённость с лесом колористической характеристики, которая проявляется:

1) в широком спектре коррелирующих с лексемой *лес* цветовых эпитетов, зафиксированных в лексикографических источниках: *багряный, белоствольный, белый, жёлтый, зеленоглавый, зелёный, золотистый, золотой, изумрудный, лилово-сизый, лиловый, разноцветный, рыжий, светло-зелёный, седой, серебристый, серебряный, сизый, синий, сребристый, чёрный, ярко-зелёный, ярко-рыжий* [11, с. 90];

2) в выявленном В.Г. Кульпиной значительном функциональном потенциале цветообозначений леса, которые выполняют следующие функции: а) стереотипическую (*зелёный лес*); б) функцию указания на небольшие размеры леса и/или на небольшой его возраст (*зелёный лесок*); в) функцию указания на качественно-видовые особенности леса (*чёрный лес* – лиственный лес); г) поэтизирующую функцию; д) функцию показателя смены времён года (*листва светло-зелёного цвета* – весной); е) показателя удалённости леса от места его наблюдения (*лес синее*); ж) ассоциативно-импрессивную функцию, проявляющую «большое богатство впечатлений, выражающихся с помощью цветовых ассоциаций» [12, с. 291-294];

3) в закономерном вовлечении лексемы *лес* в систему терминов цвета: *дикий лес* ‘тёмный малахит’ [13, с. 150], *заповедный лес* ‘тёмно-зелёная бирюза’ [13, с. 151], *таинственный лес* ‘мрачный серо-зелёный’ [13, с. 155], *хрустальный лес* ‘серебристо-изумрудный’ [13, с. 156], *обнажённый лес* ‘глубокий серовато-бежевый’ [13, с. 153], *лесная дымка* ‘едва зелёный с лёгким лимонным оттенком’ [13, с. 155], *вечер в лесу* ‘тёмно-зелёный’ [13, с. 149], *ночь в лесу* ‘чёрно-зе-

лёный’ [13, с. 153], а также *хвойный лес* [13, с. 139], *серебряный лес* [13, с. 138], *лесные дали* [13, с. 136].

Таким образом, обладающие мощным выразительным и аксиологическим потенциалом, цветообозначения леса становятся значимым компонентом культуры, а цвет, по словам Н.И. Любимовой, «приобретает сложную и разнообразную систему смыслов, толкований, становится воплощением культурных ценностей» [14, с. 241].

В свете изложенного представляется целесообразным на материале произведений, включённых в Собрание сочинений в 9 томах [15], установить случаи корреляции лексемы *лес* и производных с терминами цвета в текстах произведений К.Г. Паустовского и выявить: 1) колористический спектр, используемый писателем для визуализации леса; 2) доминанты этого спектра; 3) функциональный потенциал терминов цвета; 4) детерминированность колористической характеристики леса; 5) соотношение национального и индивидуально-авторского в цветовой визуализации леса; 6) специфику авторской манеры цветописи.

Поскольку зелёный цвет прототипичен для леса, о чём убедительно свидетельствуют лексикографические данные: «цветовыми» реакциями на стимул «лес» являются цветообозначения *зелёный* 40, *зелень, багряный, в зелени, густой и зелёный, зеленеющий, расписной, синий, точно терем расписной* [16, с. 291], можно было прогнозировать преобладание термина цвета *зелёный* в визуализации леса К.Г. Паустовским, однако доминантой его колористического спектра является термин цвета *золотой*. Колористический спектр, используемый писателем для описаний леса, включает термины цвета (в порядке убывания): *золотой* (более 20 словоупотреблений), *чёрный, зелёный, жёлтый, белый*, а также (менее 5 словоупотреблений): *багряный, красный, ржавый, синий, серый, пурпурный, серебряный, бронзовый, лимонный, розовый, голубой, лиловый, рыжий, пепельный, медный, оловянный*, он расширяется стилистически маркированными лексемами (*позлатить*), лексемами с имплицитным цветовым признаком (*радужный, снежный, горелый, раскраска, богатый ковёр* и т. п.), лексемами со значением ‘свет’, ‘тьма’ (*свет,*

темнота, блеск, светлый, тёмный, поблёскивать, побледнеть, сверкать, костёр, по-жар, пламя и др.).

При сопоставлении последовательности терминов цвета, репрезентирующих русский колористический стандарт перцепции леса, с индивидуально-авторскими цветохарактеристиками леса приходим к выводу о высокой степени авторского в его колористической визуализации: пересечение наблюдается лишь в терминах цвета *зелёный, багряный, синий*, вместе с тем фиксируется значительное расширение авторской палитры (в алфавитном порядке): *белый, бронзовый, голубой, жёлтый, золотой, красный, лиловый, лимонный, медный, оловянный, пепельный, пурпурный, ржавый, рыжий, розовый, серебряный, серый, чёрный*.

ЗОЛОТОЙ. Итак, термин цвета *золотой*, как уже отмечалось, преобладает в колористических описаниях леса: *Под Москвой леса были насквозь просвечены золотом. Особенно много этого лиственного шумного золота скопилось в оврагах, куда не проникал ветер* [15, т. 7, с. 119], что во многом обусловлено созданием цветовых описаний темпоральных периодов, преимущественно ТК «Время года» (здесь и далее ТК – темпоральная координата). Чаще – ТК «Осень», доминирующей в маркированной цветом темпоральной системе произведений писателя [17]: *в лесах ещё много золота, и доцветают белые гвоздики* [15, т. 9, с. 237]; *Всё побелело, только лес ещё горел кое-где над снегами последними золотыми листочками* [15, т. 7, с. 47], реже – ТК «Время суток»: *командарм оглянулся на леса, быстро ставшие печальными и золотыми от заката* [15, т. 6, с. 220], спорадически – влиянием внешних природных факторов [осенняя гроза]: *сумрак прошёл внезапной волной по листве. Золото меркло. Воздух тускнел. Далёкий ропот прокатился от края до края лесов* [15, т. 6, с. 172].

Помимо собственно колористической составляющей, закономерно актуализируется световая: *В лесу засиделись до сумерек. Солнце позолотило вершины деревьев, раскинуло во всё небо нежный свет* [15, т. 3, с. 71], а также обусловленная характеризующей манеру цветописи К.Г. Паустовского тенденцией к интенсификации колористиче-

ского впечатления степень интенсивности окраски: *зеркальная гладь живописной реки и пышное золото осеннего леса* [15, т. 1, с. 406]. Для передачи цветового признака писатель использует стилистически маркированную лексику (*позлатить* трад.-нар. ‘освещая, придать чему-л. золотистый цвет, оттенок’ [18, с. 891]): *В позлащённых дождями лесах громко падали крупные капли* [15, т. 1, с. 171] и лексику, принадлежащую сфере творчества/искусства: *А вдали он [лес] весь в солнце. Весь как отлитый из красного золота* [15, т. 3, с. 368]. Создаёт на основе термина цвета *золотой* контрастные цветовые сочетания: *река уходила в леса, золотые и синие от осени* [15, т. 6, с. 332], следует принятому «колористическому канону». Ср.: *Багрец и золото лесов и роц редуют с каждым часом, усиливая резкость линий, оставляя обнажённые ветви* [15, т. 3, с. 258] и *золото* трад.-лит. ‘жёлтый с золотистым оттенком’: *Листва отликает золотом. В багрец и золото одетые леса* (Пушкин) [18, с. 369].

ЧЁРНЫЙ. Согласно исследованиям В.Г. Кульпиной, характеризующей сферу денотации термина чёрного цвета, *чёрный* традиционно указывает на род/вид растений: ‘чёрный лес’ (лиственный лес) [19, с. 60], а также на качественные особенности леса – его густоту, при этом обе эти функции «омонимично соединены в одном слове и чётко не отделены друг от друга», таким образом «цветообозначение имеет дифункциональный характер» [12, с. 293]. В прозе К.Г. Паустовского функционирование термина цвета *чёрный* в корреляции с лексемой *лес* специфично в первую очередь темпоральной (ТК «Время суток», «Время года») обусловленностью: восприятием объекта в вечернее время суток: *В лесу было черно, фыркала лошадь* [15, т. 1, с. 123]; *капитан распахнул окно, и за ним не чёрный лес и пахло не мокрой псиной от Цезаревой будки* [15, т. 1, с. 215], в ночное время: [ночные леса] *мир теней, снежных пещер, чёрной хвои* [15, т. 2, с. 318], а также осенью: *Был сентябрь; в лесу, чёрном от осени, сладко пахла и чавкала под ногами земля* [15, т. 1, с. 229]; *В том краю второй год зимы, весны и лета не было, а стоит одна осень. Весь год там лес стоит облетель, чёрный, и что ни день, то льют дожди* [15, т. 7, с. 38] и зимой:

снежные равнины, **чёрные леса**, замыкавшие горизонт [15, т. 2, с. 335]. Можно предположить также, что термин цвета **чёрный** (как и традиционно **синий**) выступает в функции показателя удалённости леса от места его наблюдения: *видно, как [паровоз] рвётся к станции из дальнего чёрного леса* [15, т. 7, с. 18].

Спорадически цветовая характеристика **чёрный** фиксирует результат влияния внешних факторов: *Ветер раздувал пепел, застилал чёрную редину леса сизым угаром* [15, т. 3, с. 136], для передачи которого К.Г. Паустовский использует изобразительно-выразительные средства языка: *мёртвый лес вздрогнул от мутного блеска и оказался живым: ветки, похожие на чёрные рваные рукава, дрожали от ветра* [15, т. 6, с. 226]. **Чёрный** также становится выразителем психологического состояния персонажей: *Чёрный лес шумел за окнами. И внезапно эта нарочно отысканная им и Жорж Санд романтика оборачивалась тоской по самой простой, даже бедной, но тёплой – обязательно тёплой – литовской комнате с невзрачным на вид роялем* [15, т. 5, с. 67].

ЗЕЛЁНЫЙ. Константно соотносаясь в языковом сознании с лексемой *лес* (сфера денотации концепта зелёного цвета – растения, их совокупности: трава, листья, дерево, поляна, лес: ‘зелёный лес’ (устойчивый эпитет) [19, с. 94]), термин цвета **зелёный** в прозе К.Г. Паустовского участвует в создании колористических описаний как хвойного: *Впереди за широким полем зеленел отсыревший от тёплого ветра сосновый лес в Пуццей-Водице* [15, т. 4, с. 612], так и лиственного леса: *Над зеленью лесов летали стаи весёлых птиц. Листва была так густа, что птицы не могли проникнуть внутрь леса* [15, т. 3, с. 287].

Колористические описания фиксируют разнообразие окраски: *Глаз отдыхал от созерцания могучего и разнообразного зелёного цвета* [15, т. 6, с. 420], сочетания природных цветов (**зелёный** – **сиреневый**): *Внезапно в этой зелени [лесов] возникали сиреневые гранитные скалы* [15, т. 6, с. 493], интенсивность окраски: *Голые леса за озером быстро одеваются пышной зеленью* [15, т. 8, с. 100], а также утрату цвета: *Осень снимала с лесов, с полей, со всей природы густые цвета, смывала дождями зелень* [15, т. 3, с. 547]. Коло-

ристической характеристике закономерно сопутствует световая: *погрузился в думы о городах со странными именами, о зелёном сиянье тропических лесов* [15, т. 6, с. 47]. Расширяя область функционирования от собственно природного пространства до пространства человека, термин цвета **зелёный** принимает участие в создании соматического кода произведения, проявляя свойственную восприятию писателя тенденцию к интенсификации цветового восприятия: *Женщина подняла глаза; зелень лесов, их тьма чернели и кружились в её зрачках* [15, т. 1, с. 233]; значим также в визуализации пространства творчества: [интертекст] *Грин пишет: «На севере неподвижным зелёным стадом темнел лес, огибая до горизонта цепь меловых скал* [15, т. 7, с. 451].

ЖЁЛТЫЙ цвет леса обусловлен в первую очередь темпоральной соотнесённостью, спорадически – пространственно детерминирован: *По ту сторону тянулся сосновый лес, жёлтый от брошенных окопов* [15, т. 1, с. 186]. Таким образом, **жёлтый** актуализирует преимущественно функцию показателя смены времён года – ТК «Осень»: *Леса уже желтели, роняли листву* [15, т. 6, с. 219]; *до самого края земли стояли жёлтые леса и шелестели посохшей листвой* [15, т. 7, с. 42], в цвето-световой комбинации усиливает эстетическое воздействие колористического описания: *Только от берёзовых, ещё не совсем облетевших лесов подымался к облакам тихий желтоватый свет. Казалось, что в глубине, под колёсами самолета, горят тысячи свечей. Это светила последняя сухая листва* [15, т. 2, с. 451]; ТК «Лето»: *Лето стояло жаркое. В лесу среди желтеющих берёз он увидел Лелю* [15, т. 6, с. 111]; ТК «Зима»: *Заиндевелые верхушки деревьев светились жёлтым огнём, – за лесом взошло солнце* [15, т. 6, с. 96].

БЕЛЫЙ. Цветовая характеристика **белый** создаёт темпорально обусловленные колористические описания (ТК «Зима»): *слабый солнечный свет упал на белые леса за рекой Лиелупа* [15, т. 3, с. 272]; [Мария] *не могла понять, откуда над белыми от снега лесами появились звёзды* [15, т. 2, с. 497], выражая цветовой признак эксплицитно. Актуализируется и в носящих имплицитный характер описаниях, например: *Дорога пошла вниз,*

в сыроватый лес, где белел туман [15, т. 3, с. 111]; запомнила удар фёна по акациевым лесам. Фён одним взмахом снял с деревьев, как мыльную пену, море белых цветов и поднял их в небо [15, т. 1, с. 532], а также: Леса мчались навстречу, как снежная гроза [15, т. 1, с. 530], где снежный 'похожий на снег' (по цвету). Ср. последнее с функционированием термина цвета пепельный 'сероватый, похожий цветом на пепел' [18, с. 791]: из субтропиков ничего не выйдет и первый же фён оставит от лимонных лесов грязный пепел [15, т. 1, с. 534].

БАГРЯНЫЙ. Функционирование термина цвета багряный в корреляции с лексемой лес в визуализации пространства природы специфично актуализацией изобразительно-выразительных средств языка: небо всё же давало достаточно света, чтобы мокрые леса могли загораться вдали, как багряные пожары [15, т. 6, с. 158]. Колористические описания, созданные на основе данной корреляции, несут отпечаток пушкинского цветового восприятия, расцениваемого К.Г. Паустовским как каноническое: Как только Татьяна Андреевна произносила первые слова «Роняет лес багряный свой убор...», наступала мёртвая тишина [15, т. 2, с. 435]; Какая простота и звонкость языка, какая осанная звонкость у Пушкина в стихотворении «Роняет лес багряный свой убор» [15, т. 8, с. 351], а также: Багрец и золото лесов и роц редуют с каждым часом, усиливая резкость линий, оставляя обнажённые ветви [15, т. 3, с. 258]. Таким образом, сфера функционирования подобных сочетаний расширяется до значимого для писателя пространства творчества.

КРАСНЫЙ. Термин цвета красный в прозе К.Г. Паустовского выполняет преимущественно функцию показателя смены времён года (ТК «Осень»): В лесах было холодно, тихо под тучами, и красный лист, что ещё не всюду осыпался, висел понуро [15, т. 7, с. 43]; Наши леса совсем красные, ты таких никогда не видел [15, т. 6, с. 219] и функцию указания на качественно-видовые особенности леса: [горы] покрыты перевитыми густой тканью лиан буковыми лесами, лесами из красного дерева [15, т. 7, с. 75], где красное дерево 'древесина некоторых деревьев, преимущественно тропических' [18, с. 467].

Спорадически оттеночный диапазон красного расширяется термином цвета розовый 'бледно-красный' в партитативных описаниях: По дороге на Ай-Петри громадные леса из крымской сосны (с бледно-розовыми стволами) [15, т. 9, с. 127].

РЖАВЫЙ. Термин цвета ржавый разг. 'красно-бурый, цвета ржавчины' [18, с. 1122] обогащает палитру леса, создавая гармоничные цветовые сочетания: Леса на берегах уже ржавели, золотели [15, т. 6, с. 466], где золотой 'блестяще-жёлтый' [18, с. 369]. Цветовая характеристика ржавый обусловлена темпоральным фактором: Кончался сентябрь. Дубовые леса по берегам Волги уже заржавели от первых утренних морозов, но на полях ещё попадались последние лесные цветы [15, т. 3, с. 591], сопровождается световой: Солнце ещё за горами, но верхушки лесов на западных склонах уже зажигаются ржавчиной от его первых лучей [15, т. 6, с. 316], является результатом влияния внешних природных факторов: Рыжая осень мчалась по сторонам. Леса были заржавлены, их покрывала жёлтая плесень [15, т. 6, с. 196], где ржавчина 'жёлто-оранжевые пятна на поверхности растений, появляющиеся в местах, где развиваются споры паразитных грибов' [18, с. 1122].

СИНИЙ. Помимо функции показателя удалённости леса от места его наблюдения, на которую указывает В.Г. Кульпина [12, с. 294]: Потом встаёт впереди синий лес [15, т. 3, с. 71]; Вышли к обрыву. За ним в синеватом дыму стоял непроглядный лес [15, т. 2, с. 461], термин цвета синий в прозе К.Г. Паустовского выполняет несвойственную ему функцию показателя смены времён года, проявляя уникальность авторской цветовой перцепции: То река уходила поворотом в леса, золотые и синие от осени [15, т. 6, с. 332].

СЕРЫЙ. Колористические описания леса, созданные с использованием термина цвета серый, носят опосредованный характер. Цветовую характеристику получает листва: Гуляя заметил, что леса как будто изменились. Листва печально висела, касаясь земли, серая и мёртвая [15, т. 1, с. 587], почва: начинался сосновый лес с его серой, похужей на золу, рассыпчатой почвой [15, т. 6, с. 471] и сумрак: В лесу стояла серова-

тая мгла [15, т. 2, с. 460]. Что верно и для термина цвета *голубой*: *С горы открылись ночные леса. Они расстились внизу, залитые голубоватым воздухом ночи* [15, т. 2, с. 318].

ПУРПУРНЫЙ. Термин цвета *пурпурный* (*пурпур* ‘тёмно-красный или лилово-красный цвет’ [18, с. 1046]) актуализируется преимущественно в создании на основе цепочек цвета (некоторых последовательностей терминов цвета, функционирование которых ограничено рамками одного предложения и направлено на создание объёмной колористической зарисовки в рамках минимального текстового отрезка) эффекта многоцветности, характеризующего манеру цветописа К.Г. Паустовского. Что верно и для терминов цвета *лимонный* ‘светло-жёлтый’ [18, с. 497], *лиловый* ‘светло-фиолетовый’ [18, с. 497]. Ср. трехкомпонентные цепочки (*золотой – пурпурный – серебряный*): *Тёмные краски лета сменялись робким золотом, пурпуром и серебром* [15, т. 3, с. 547]; четырехкомпонентные (*лимонный – чёрный – серый – пурпурный*): *Мы вошли в редкий буковый лес на склонах Агармыша. Пальй лист всех цветов – от лимонного до чёрного и от серого до пурпурного – лежал на траве, мокрой от крупной росы* [15, т. 2, с. 143]; (*пурпурный – лимонный – лиловый – чёрный – золотой*): *Чистый осиновый лес! Лист у неё [осины] чистой раскраски. Пурпурный, лимонный, лиловый и даже чёрный с золотым крапом* [15, т. 3, с. 368].

СЕРЕБРЯНЫЙ, БРОНЗОВЫЙ, МЕДНЫЙ, ОЛОВЯННЫЙ. Свойственное цветовой манере письма К.Г. Паустовского использование химической терминологии в функции терминов цвета (*серебро* ‘металл серовато-белого цвета’ [18, с. 1178], *медь* ‘металл жёлтого цвета с красноватым отливом’ [18, с. 529], *олово* ‘серебристо-белый металл’ [18, с. 712]) расширяет цветовую палитру, используемую им для визуализации леса, актуализируя световую характеристику: *месяцы и годы леса шумели и качались волнами тусклого серебра* [15, т. 1, с. 506]; *смотрите ближе, на полосу елей. Видите бронзовый блеск на хвое?* [15, т. 3, с. 368]; *Леса, наискось освещённые солнцем, казались ему грудками лёгкой медной руды* [15, т. 6, с. 172]; *Леса, будто выкованные из*

топкого олова, сверкали под декабрьским небосклоном [15, т. 6, с. 181].

Помимо лексемы *лес*, в прозе К.Г. Паустовского в значении ‘сообщество растений’ функционируют лексемы *мелколесье* ‘мелкий лес’, ‘место, поросшее мелким лесом’ [18, с. 531] (*берёзовое и осиновое мелколесье; сосновое мелколесье*): *когда я попадаю в мелколесье, мне кажется, что именно в этих местах художник Нестеров нашёл черты своего пейзажа* [15, т. 3, с. 230]; *перелесок* ‘небольшой лес, отделённый полянами от других лесных участков’, ‘редкий или молодой лес’ [18, с. 808] (*берёзовые перелески; в дубовых перелесках; осиновый перелесок*): *В дубовых перелесках нет дорог* [15, т. 3, с. 613]; *Шли осиновым перелеском* [15, т. 3, с. 111]; *полесье* ‘болотистая местность, поросшая мелким лесом’ [18, с. 899]: *Это – полесье, древний и пустынный край* [15, т. 9, с. 264], которые также принимают участие в колористической визуализации лесного пространства: *уже зеленело сосновое мелколесье* [15, т. 3, с. 65]; *по крутым берегам серой стеной стояло осиновое мелколесье* [15, т. 6, с. 332]; *берёзовые перелески, зажжённые по взгорьям тихим осенним огнём, как сотни белых свечей* [15, т. 8, с. 381]; *Иволги печально свистели в перелесках. Жёлтый лист изредка падал на дорогу* [15, т. 6, с. 170].

Цветовой диапазон леса расширяется лексемами с имплицитным цветовым признаком: *Облака оказались лесами вековых отцветающих акаций* [15, т. 1, с. 530]; *рассказывал о лесах ореха, свисавших над морем, как богатые ковры висят на балконах домов в дни празднеств* [15, т. 1, с. 484].

Важную роль в колористической визуализации леса играют лексемы со значением ‘свет’, ‘тьма’ – как ядерные (*свет, темнота, светлый, тёмный, блеск, поблёскивать, сверкать* и т. п.): *лес на холмах светлый; лес чуть светился; лес сверкал; в лесах ещё бродили последние отблески солнца; обледенелый лес поблёскивал, как стеклянный – видны тёмные леса; через тёмный, дремучий лес; тёмные чащи лесов и др., так и периферийные (костёр, пожар, пламя и т. п.). В контекстах: *Ишь, как лес пышет то светом, то темнотой!* [15, т. 3, с. 369]; *ветер приносил этот запах из-за Днепра, из потемневших к весне черниговских лесов* [15, т. 4,*

с. 244]; *с каждым днём сильнее бушуют осенним пламенем громады лесов за рекой* [15, т. 6, с. 578]. В визуализации леса константно проявляется закономерная связь цветовой и световой характеристик: *Соединение его [солнца] янтарного огня с раскраской лесов вызвало такой феерический блеск, что временами терялось ощущение действительности* [15, т. 7, с. 144].

В создании колористических описаний леса получили выражение некоторые черты цветовой манеры письма К.Г. Паустовского, среди которых, помимо тенденции к интенсификации цветового впечатления, цвето-светового взаимодействия, особое место занимают передача эффекта многоцветности (золотой – синий – зелёный – радужный): *леса играли множеством солнечных пятен – золотых, синих, зелёных и радужных* [15, т. 6, с. 420]; широкое использование изобразительно-выразительных средств языка в передаче цветового признака: *деревья покрылись прозрачной ледяной плёнкой и странно играли багровыми цветами заката. Леса тянулись, как сказка* [15, т. 9, с. 15]; *Дурак ударил по [иволгам] из обоих стволов – и полетел золотой пух на землю, упал на леса, и леса посохли, пожухли и в одночасье опали. А иные листья, куда попала птичья кровь, покраснели и тоже осыпались. Небось видел в лесу – есть лист жёлтый и есть лист красный* [15, т. 6, с. 157]; а также актуализация усиливающего эффект колористического воздействия аксиологического потенциала цветоописаний, обусловленного пересечением пространства природы с пространством живописи: *Это от золотой стены леса. Она обдаёт ели своим светом. Отражённый свет. Писать его трудно* [15, т. 3, с. 368]; художественного слова: *беру книгу Пришвина, открываю её и читаю: «Когда явилось солнце и разогрело, то деревья и травы обдались такой сильной росой, такими светящимися узорами глянули из тёмного леса ветки елей, что на эту отделку не хватило бы алмазов всей нашей земли»* [15, т. 3, с. 354].

На фоне создающего многостороннее описание леса широкого спектра его характеристик, среди которых: пространственная (*о постройке фабрики в северных лесах* [15, т. 3, с. 219]; *в прибрежных лесах растёт вереск* [15, т. 1, с. 78]; *жили в мецюрских лесах*

[15, т. 3, с. 259]); параметрическая (*вырастал непроходимый лес* [15, т. 1, с. 506]; *болота и низкие леса* [15, т. 3, с. 291]; *такие высокие леса, что звезда, сверкавшая между тучами, казалась ниже, чем вершины сосен* [15, т. 2, с. 330]); темпоральная (*покрыты плесенью осенних лесов* [15, т. 2, с. 121]; *из вечерних лесов запахло сыростью* [15, т. 6, с. 319]); аудиальная (*широкий гул леса* [15, т. 1, с. 212]; *глубочайшее безмолвие лесов* [15, т. 1, с. 554]; *в лесу защёлкали птицы* [15, т. 2, с. 436]); одоративная (*ветрам, доносившим из леса запах оттаявшей коры* [15, т. 6, с. 477]; *машина вынесла нас в вечерние леса и в окна дуло запахом хвои* [15, т. 7, с. 252]); признак принадлежности (*лес был монашеский. А теперь народный* [15, т. 3, с. 624]) и др., – значим признак ‘лесообразующая порода’ (в алфавитном порядке): *лес акациевый, бамбуковый, берёзовый, буковый, дубовый, еловый, кипарисовый, из лиственницы, лимонов и мандаринов, магнолиевый, ольховый, ореха, осиновый, пальмовый, из секвой, сосновый, из туи, эвкалиптовый*. В контекстах: *кроме сосновых лесов, мачтовых и корабельных, есть леса еловые, берёзовые* [15, т. 3, с. 613]; *Во времена миоцена по берегам Финского залива росли магнолиевые и кипарисовые леса* [15, т. 3, с. 342]; *за нашими окнами – пальмовый лес по горам, заросли бамбука и море* [15, т. 9, с. 64]. В связи с чем представляется значимым в аспекте проблематики нашего исследования в дальнейшем выявить колористический спектр, используемый писателем для визуализации деревьев, формирующих сообщество растений, раскрыть специфику их цветовой визуализации, что будет способствовать целостному описанию дендронимического пространства его прозы. Так, в колористических описаниях берёзового леса у К.Г. Паустовского доминирует термин цвета *жёлтый*, далее по ранжиру – *золотой*, *белый*, *зелёный*, *лимонный*, *оранжевый*, *пепельный*, *седой*, *серебряный*. В цветовых описаниях бамбукового леса значим термин цвета *изумрудный*: *прикоснуться к ворсистым стволам кокосовых пальм, к изумрудной коре бамбука – всегда холодной и глянцевитой* [15, т. 5, с. 220]. Кипарис константно соотносится с цветохарактеристикой *чёрный*: *скалы, яркое, как синька, море и чёрные пики кипарисов* [15, т. 4, с. 400]. В

описаниях ольхи К.Г. Паустовский фиксирует динамику цвета: *леса внезапно меняли тёмный цвет и становились точно ртутными. Ветер переворачивал листву ольхи, снизу она была серой* [15, т. 1, с. 506], на основе терминов цвета создаёт высокохудожественные описания лиственницы: *их [лиственниц] хвоя – тонкая, как короткие золотые волосы, всё время сыпалась сверху* [15, т. 6, с. 330], магнолии: *зацвели магнолии и принесли белую и сумрачную бессоницу* [15, т. 1, с. 295]. Лексема дуб обнаруживает тенденцию к переходу в систему терминов цвета: *подымусь по лестнице, облицованной жёлтым кафелем, позвоню у выкрашенных под дуб дверей* [15, т. 4, с. 190]; *в его комнате, оклеенной обоями под дубовое дерево, пахло фиксатуром* [15, т. 4, с. 273] и т. п.

Таким образом, являясь одной из доминант природного пространства прозы К.Г. Паустовского, лес получает создающую стереоскопическое представление об объекте многостороннюю характеристику, вклю-

чающую пространственную, параметрическую, темпоральную, аудиальную, одоративную и др., на фоне которых колористическая приобретает особую значимость в свете важной роли цвета в картине мира К.Г. Паустовского. Выявленный широкий спектр терминов цвета, используемый писателем для колористической визуализации леса, обнаруживает высокую степень его индивидуально-авторской перцепции и визуализации, носящих опосредованный темпоральным и пространственным фактором характер. Актуализуемый писателем мощный функциональный потенциал терминов цвета содействует раскрытию отмеченного высокой степенью выразительности и аксиологичности художественного замысла писателя, созданию уникальной колористической картины мира К.Г. Паустовского, изучение которой представляется значимым в свете превалирования антропоцентрической парадигмы в современном языкознании.

Список литературы

1. Наумова Е.В. Особенности концептуализации природного объекта «Лес» в русском языке (на материале толковых словарей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70). Ч. 1. С. 143-147.
2. Касьмова О. Образ леса в языковой картине мира (на материале русского и польского языков) // Acta Neophilologica. 2015. Т. 17 (1). С. 45-48.
3. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М., 2017.
4. Фоякова О.И. Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990) // Русская авторская лексикография XIX–XX вв. / отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2003. С. 35-50.
5. Сивова Т.В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К.Г. Паустовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2018.
6. Вагенлетнер М.С. Региональная цветовая картина мира в произведениях писателей Сибири и Средней полосы России (на примере цветообозначения сообществ растений) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. № 1 (29). С. 125-127.
7. Słoboda J. Funkcje barw w językowej kreacji świata flory w “Dolinie Issy” Czesława Miłosza // Studia Językoznawcze. 2014. № 13. S. 229-243.
8. Боковели О.С., Прищепа В.П. Функция хроматических цветов в лирике Семёна Липкина // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 2 (63). С. 328-330.
9. Дарененкова В.С. Символика цвета в рассказе А.С. Байетт «Существо в лесу» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 4 (10). С. 191-201.
10. Хрипунова И.И. Текстурноорганизующий и аксиологический потенциалы цветообозначений в немецком художественном тексте (на материале романа К. Модика “Konzert ohne Dichter”) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 4. С. 76-82.
11. Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб., 2002.
12. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.
13. Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А.П. Василевича. М.: КомКнига, 2005. 216 с.

14. Любимова Н.И. Место лингвоцветовой картины мира в культурном наследии языка // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф. в 4 т. / отв. ред. С.Н. Борисов. Белгород: ИПК БГИИК, 2016. Т. 4. С. 240-247.
15. Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986. Т. 1. 623 с.; Т. 2. 615 с.; Т. 3. 687 с.; Т. 4. 734 с.; Т. 5. 591 с.; Т. 6. 623 с.; Т. 7. 575 с.; Т. 8. 447 с.; Т. 9. 542 с.
16. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов [и др.]. М., 2002. Т. 1.
17. Сивова Т.В. Авторская концептуализация осени в языковой картине мира К.Г. Паустовского // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. Сер. 8. Філологічні науки. 2019. Вип. 11. С. 24-31.
18. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
19. Кульпина В.Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер. М.: МАКС Пресс, 2019. 288 с.

References

1. Naumova E.V. Osobennosti kontseptualizatsii prirodnogo ob'yekta «Les» v russkom yazyke (na materiale tolkovykh slovarey) [Peculiarities of conceptualization of the natural object "forest" in the Russian language (by the material of explanatory dictionaries)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, 2017, no. 4 (70), pt 1, pp. 143-147. (In Russian).
2. Kasymova O. Obraz lesa v yazykovoy kartine mira (na materiale russkogo i pol'skogo yazykov) [The image of the forest in the linguistic picture of the world (on the basis of Polish and Russian)]. *Acta Neophilologica*, 2015, vol. 17 (1), pp. 45-48. (In Russian).
3. Babenko L.G. (gen. ed.). *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevyye kontsepty i ikh reprezentatsii v yazyke i rechi (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii): slovar'* [The Conceptual Sphere of the Russian Language: Key Concepts and Their Representations in Language and Speech (Based on Vocabulary, Phraseology and Paremiology): Dictionary]. Moscow, 2017. (In Russian).
4. Fonyakova O.I. Oчерк razvitiya pisatel'skoy leksikografii v otechestvennom yazykoznanii (1883–1990) [Essay on the development of literary lexicography in Russian linguistics (1883–1990)]. *Russkaya avtorskaya leksikografiya XIX–XX vv.* [Russian Author's Lexicography of the 19th – 20th Centuries]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003, pp. 35-50. (In Russian).
5. Sivova T.V. *Vzaimosvyaz' tsveta, sveta i khronotopa v yazyke proizvedeniy K.G. Paustovskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Relationship of Color, Light and Chronotope in the Language of the Works of K.G. Paustovsky. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Minsk, 2018. (In Russian).
6. Vagenletner M.S. Regional'naya tsvetovaya kartina mira v proizvedeniyakh pisateley Sibiri i Sredney pol'osy Rossii (na primere tsvetooboznacheniya soobshchestv rasteniy) [Regional color picture of the world in the works of writers of Siberia and Central Russia (on the example of the color designation of plant communities)]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Proceedings of Irkutsk State Technical University*, 2007, no. 1 (29), pp. 125-127. (In Russian).
7. Słoboda J. Funkcje barw w językowej kreacji świata flory w “Dolinie Issy” Czesława Miłosza. *Studia Językoznawcze*, 2014, no. 13, pp. 229-243. (In Polish).
8. Bokoveli O.S., Prishchepa V.P. Funktsiya khromaticheskikh tsvetov v lirike Semëna Lipkina [The function of chromatic colours in Semyon Lipkin's lyrics]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of Science, Culture, Education*, 2017, no. 2 (63), pp. 328-330. (In Russian).
9. Darenenkova B.C. Simvolika tsveta v rasskaze A.C. Bayyett «Sushchestvo v lesu» [Symbolism of colour in A.S. Byatt's story “The Thing in the Forest”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2010, no. 4 (10), pp. 191-201. (In Russian).
10. Khripunova I.I. Tekstoorganizuyushchii i aksiologicheskiy potentsialy tsvetooboznacheniy v nemetskom khudozhestvennom tekste (na materiale romana K. Modika “Konzert ohne Dichter”) [Text-organizing and axiological potentials of colour terms in the German fiction text (based on K. Modick's novel “Konzert ohne Dichter”)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 76-82. (In Russian).
11. Gorbachevich K.S. *Slovar' epitetoв russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Russian Literary Language Epithets]. St. Petersburg, 2002. (In Russian).
12. Kulpina V.G. *Lingvistika tsveta: Terminy tsveta v pol'skom i russkom yazykakh* [Linguistics of Colour. Terms of Colour in Polish and in Russian Languages]. Moscow, Moscow Lyceum Publ., 2001, 470 p. (In Russian).

13. Vasilevicha A.P. (gen. ed.). *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* [Color and Color Names in Russian]. Moscow, KomKniga Publ., 2005, 216 p. (In Russian).
14. Lyubimova N.I. Mesto lingvotsvetovoy kartiny mira v kul'turnom nasledii yazyka [The place of the lingua-color worldview in the cultural heritage of the language]. *Sbornik dokladov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 4 t.: «Nauka. Kul'tura. Iskusstvo: aktual'nyye problemy teorii i praktiki»* [A Collection of Reports All-Russian Scientific and Practical Conference: in 4 vols. "Science. Culture. Art: Actual Problems of Theory and Practice"]. Belgorod, Institute of Continuous Education Belgorod State Institute of Arts and Culture Publ., 2016, vol. 4, pp. 240-247. (In Russian).
15. Paustovskiy K.G. *Sobraniye sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols.]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1981–1986, vol. 1, 623 p., vol. 2, 615 p., vol. 3, 687 p., vol. 4, 734 p., vol. 5, 591 p., vol. 6, 623 p., vol. 7, 575 p., vol. 8, 447 p., vol. 9, 542 p. (In Russian).
16. Karaulov Y.N. (ed.). *Russkiy assotsiativnyy slovar': v 2 t.* [Russian Associative Dictionary: in 2 vols.]. Moscow, 2002, vol. 1. (In Russian).
17. Sivova T.V. Avtorskaya kontseptualizatsiya oseni v yazykovoy kartine mira K.G. Paustovskogo [Author's conceptualization of autumn in the K. Paustovsky's language picture of the world]. *Naukoviy chasopis Natsional'nogo pedagogichnogo universitetu imeni M.P. Dragomanova. Ser. 8. Filologichni nauki – Scientific Journal of National Pedagogical Dragomanov University. Series 8. Philology*, 2019, no. 11, pp. 24-31. (In Ukrainian).
18. Kuznetsov S.A. (ed.-compiler). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, 2000. (In Russian).
19. Kulpina V.G. *Lingvisticheskaya tsvetologiya: ot istorii k sovremennosti tsvetovykh kontseptosfer* [Linguistic Colorology: from History to Modernity of Color Conceptual Spheres]. Moscow, MAKS Press Publ., 2019, 288 p. (In Russian).

Информация об авторе

Сивова Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь. E-mail: sitavi@tut.by

Вклад в статью: идея, цель, сбор первичного материала, анализ данных, обработка полученных результатов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>

Поступила в редакцию 03.05.2020 г.

Поступила после рецензирования 09.06.2020 г.

Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the author

Tatyana V. Sivova, Candidate of Philology, Associate Professor of Journalism Department. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus. E-mail: sitavi@tut.by

Contribution: idea, purpose, source material acquisition, data analysis, obtained results processing, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>

Received 3 May 2020

Reviewed 9 June 2020

Accepted for press 26 June 2020